

Когда меня спрашивают, как избавиться в школе от законов зоны, я говорю: избавление - внутри каждого из нас, от директора до ученика, - говорит Александр Наумович. - Если взрослый действует, как надзиратель, то даже самые хорошие законы останутся на бумаге. Ему надо менять себя, потому что дети острее нас чувствуют справедливость. Альтернативой школьной казарме должна стать школа демократическая. Причем учить демократии надо не по книжкам, а создавать здесь такой уклад, чтобы росли будущие граждане, а не «деды».

- Давайте лучше поговорим о практике. Разве у вас не бывало случаев, когда, к примеру, старшеклассники вымогают деньги у малышей? Или крадут приглянувшиеся вещи у соседа?

- У нас бывало всякое. Лет 15 назад, когда я только пришел сюда, мне регулярно били стекла в кабинете. Те самые ребята, от которых стонут многие школы. Теперь у нас хулиганов нет. Мы от них не избавлялись, они сами перевелись, потому что у детей есть защита - школьный закон о защите чести и достоинства. Лет десять назад его обсуждали и принимали все ребята на общем собрании. Обсуждали, что такое честь, что такое достоинство и как их защищать. С тех пор ребята ежегодно выбирают суд чести - самых справедливых учеников и учителей. И каждый школьник может обратиться туда. Был, например, такой случай. Мальчик дежурил по раздевалке и намеренно небрежно подал девочке куртку так, что умудрился испортить, да еще и нагрнул. Дело кончилось судом. Вариант чистки не прошел, и парню пришлось заработать деньги и оплатить стоимость куртки. Причем еще ни разу не было такого, чтобы кто-то пытался отомстить обратившемуся в этот суд.

- Чудеса... Выходит, в не слишком законопослушной стране удалось создать такой правовой оазис?

- Дело тут, конечно, не столько в суде, сколько в общей атмосфере уважения, любви к человеку. Я хочу, чтобы ребенка ничто не раздражало, как это часто бывает в обычной «зонавской» школе - от окриков училки до туалета, где ты сидишь на толчке, как петух, а все на тебя смотрят. И постоянный страх перед выговором. Я понимаю, что когда пацан колотит окно директора, то у него какая-то проблема, которую он не может выразить, и все зло видит во мне. Но зато теперь я знаю, что кому-то плохо, и должен понять, кому и почему. Поэтому меня очень интересует, чего боятся ученики и их родители: ведь я все время связан школьными страхами. Как я могу экспериментировать, если родители говорят: да, мальчик выпустил прекрасную книжку стихов, а в сочинении, между прочим, у него четыре ошибки. Не поступит в институт, пойдет в армию, погибнет...

У учеников страхов еще больше. Парню поставили двойку, а рядом девочка, к которой он неравнодушен, рядом приятели, которые и так считают его слабым... И еще он переживает, что он такой нескладный, уши не такие. Девчонки морят себя голодом, чтобы фигура была соответствующая. И все постоянно себя сравнивают: я такой же, как все? А тут еще родители наваливаются: почему не можешь учиться так, как твой сосед? Парень не показывает виду, а за руку возьмешь (я здороваюсь за руку) - она холодная. Чего-то боится. Чего? Бурчит: да ничего... А потом разговаривает и что-нибудь расскажет. Да чего там говорить, ребенок идет на улицу и не знает, какая компания выйдет из-за угла, не наорут ли в автобусе за то, что громко разговаривает... Ведь в нашей стране отношение к детям - ужасное, хоть русские и любят своих детей безумно. Но почему-то считают, что их надо воспитывать и приставать по каждому поводу. Или вообще не обращают внимания. Только и интересуют: как учишься? что получил? Если бы взрослых так же воспитывали, мы бы из депрессии не выходили. Я чувствую у детей эти страхи и, может, оттого еще больше их люблю.

- «Школа самоопределения» - что это такое?

- Однажды меня спросили на каком-то ученом совете: сколько у вас за последние годы вышло самоопределившихся личностей? Я ответил: а во сколько лет, вы думаете, определился Лев Толстой? В последний год жизни... Школа лишь создает условия, позволяющие человеку лучше понимать самого себя, свои сильные и слабые стороны, а сумеет ли он сделать то же, что и Лев Толстой, - я за это, честно говоря, не от-

вечаю. И я принципиальный противник тех школ, что заранее рисуют какие-то модели личности, а потом измеряют, соответствует или нет. Мы никогда не познаем человека до конца, и личность измерить нельзя. Никакие стандарты, тесты, единые экзамены тут не помогут. Вот школьник ответил тебе сейчас про какой-нибудь ланцетник, а через два дня выкинул его из головы навсегда.

ни! Но 90 процентов того, чему учат в школе, никому не пригодится. Поэтому мы и выпускаем книжки, что это - опыт: исследования, редактирования, полиграфии. На уроках биологии едем в костромские леса и там изучаем реальный лес и делаем доклады. А историю познаем, играя в древних славян. Целую неделю живем, как настоящее племя: и капища ставим, и песни поем. А еще у нас

том с этими знаниями будешь делать - никого не интересует. Это все отрывки школы, живущей по законам зоны. Она построена по авторитарным законам и во многом отвечает за то, что когда наступило время свободы, то многие не смогли сориентироваться в новых условиях, проявить гибкость. Ведь людей до сих пор учат повторять один-единственный правильный ответ.

ного управления. Спрашиваю: будете чиновниками - как будете защищать права человека? А они говорят: мол, мы не по этой части - мы отвечаем не за чьи-то права, а за выполнение инструкций вышестоящего начальства. Вот школа и должна ломать такие представления.

- Вы так рассуждаете, будто чиновники не имеют к вам отношения. Разве школьная программа для вас не обязательна?

- По закону об образовании программы вообще существуют только примерные, и каждая школа может предложить свою. А когда спрашивают, почему у меня в школе не ставят отметок и ничего мне за это не делают, я говорю: потому что знаю законы лучше чиновников. В том же законе написано, что систему оценок школа разрабатывает самостоятельно (это, конечно, не касается выпускных классов). Все промежуточные оценки - это наше дело. В конце концов мне одна чиновница сказала: Александр Наумович, что вы все - закон, закон... А я еще в начале перестройки дал себе слово, что буду помогать создавать правовое государство - тем более что я преподаватель основ государства и права. И не могу врать ребятам своим поведением. Сильных неприятностей от этого, замечу, не случается. Я давно понял, что когда с людьми, которые на тебя нажимают, говоришь языком права, как свободный человек, то тебя начинают уважать. И хоть государство наше пока не правовое, это срабатывает хотя бы психологически: мол, надо же - законы знает, с этим надо поосторожнее.

- Если нет отметок, как оценить, с пользой ли человек провел время в школе?

- Точно так же и родители недоумевают: как так - не ставят оценок? А если гости придут, спросят, как учиться? Ребенок отвечает: пусть они лучше спросят, что я умею. Так ведь не спрашивают!..

У меня такая модель: до 8-го класса даем качественные характеристики, начиная от выставки личных достижений до самооценок. Могут быть и письменные пожелания учителей, где начинают всегда с хорошего. Вторая часть - то, что на Западе называют «портфолио», - все твоё творчество, чем можешь гордиться - собственное исследование, книжка, прибор. Покажи это какой-нибудь комиссии - она оценит.

- Но комиссии больше интересуются совсем другими вещами.

- Те универсальные умения, которые мы даем, позволяющие человеку подготовиться к любому экзамену. Правда, с боязливыми родителями приходится идти на компромисс: в 11-м классе, во втором полугодии, ребята занимаются только теми предметами, которые будут на вступительных экзаменах. Но зато все предыдущие годы мы спокойно учим совсем другому.

- Многие выпускники вашей «Школы самоопределения» попадают в армию, в руки сержанта совсем другой, будановской школы. И чем, по-вашему, это кончится?

- Мы специально интересовались, как складываются судьбы выпускников. Никаких сложностей с адаптацией у них нет. Кто-то приспособивается (не забывайте, что кроме школы есть еще и семья). Но многие умело преобразовывают среду вокруг себя - конечно, там, где могут и как могут. Так часто бывает, например, в вузах. Ребята создают студенческие советы, беседуют с профессорами, деканом, отстаивая свои интересы, потому что в школе их этому научили. Что же касается армии, то в ней служат питомцы российской школы. И если бы не было школ, живущих по законам зоны, не было бы в армии и будановых.

Я, конечно, не идеалист и знаю, что дети часто бывают злы, несправедливы, агрессивны. Но это же дети, а детство связано с ошибками, с грубостью, эгоизмом... Однако это полноценный период, и надо помочь детям прожить его нормально.

Когда я слышу, как Никита защищает проектную работу по оптике и два часа не хочет отпустить комиссию - я думаю: разве я в 14 лет мог такое? Когда Аня перевела на английский язык сборник школьных законов, написала к нему вступительную статью и мы с ней ездили на конференцию в Совет Европы, я думаю, что мне подобное и не снилось в ее годы. Растут наши дети... И нельзя нам отставать.

**Евгений
КРУШЕЛЬНИЦКИЙ**

ПО КАКИМ ЗАКОНАМ ЖИВЕТ ШКОЛА?

Школьница из Пермской области Ольга Никонова провела на этот счет специальное исследование и пришла к выводу, что наша типичная школа живет по законам зоны (кстати, эта работа вошла в число лучших на Всероссийском конкурсе, который уже много лет проходит на базе одной из московских школ). С таким выводом согласен и москвич Александр Наумович ТУБЕЛЬСКИЙ, заслуженный учитель России, генеральный директор научно-педагогического объединения «Школа самоопределения», президент Ассоциации демократических школ России. Но школа, которую он возглавляет, нетипичная, и потому здесь установили свои законы, для свободных людей. Как это удалось?

Недаром наш президент возмущался, когда не смог ничего вспомнить про ланцетника: зачем шестиклассникам забивают голову всякой ерундой? Если уж в школе что-то и мерить, так это условия жизни: кричат ли здесь на детей? Привлекают ли ребят к обсуждению проблем образования? Интересуются ли, как сделать так, чтобы ты понял? Помогают ли составить индивидуальный учебный план?

Сегодня у нас был день школьных законов, и мы каждому вручали пятый выпуск книги «Имею право», которую написали и издали сами ребята. В этой книжке - наша школьная конституция, права и обязанности граждан НПО «Школа самоопределения». И закон о самоуправлении, и положение о школьном кафе... много всего. Меня не раз спрашивали: а почему у вашего ученика десять прав, а у учителя - семь? Я говорю: во-первых, потому, что школа существует для учеников, а не для учителей. Во-вторых, потому, что ученик не равен учителю только в одном - в жизненном опыте. Поэтому ему надо давать фору. И в школьном совете учеников больше, чем учителей.

- Только опыта меньше? А знания вы ни во что не ставите?

- Вслед за Джоном Дьюи, великим американским педагогом, я считаю, что образование есть только опыт, и больше ничего. Знания или потребность в них появляются у человека только тогда, когда он попробует что-то сделать. В современной школе ничто не требует знания. Школьнику говорят: учись, чтобы поступить в институт! Или: пригодится в жи-

около двух десятков мастерских - от батика и мягкой игрушки до слесарных работ. Каждые полгода можешь поменять мастерскую - скажем, осваивать вышивку или делать картины из соленого теста. Мы никогда не учим, к примеру, слесарному делу. Сначала надо решить, что за вещь должна получиться, а уж в процессе изготовления ребенок научится чему надо. Человек прежде всего должен получать удовлетворение от работы, но это невозможно делать только в классе, потому что есть успешные ребята, а есть неуспешные. Установлено, что лишь каждый десятый стремится к знаниям по учебнику, остальные же познают мир другим способом. И в нашей школе это учитывают.

- Вы, наверное, тоже учитесь тому, что не пригодится?

- Стараемся этого не делать, несмотря на то что ученые пока даже не пытаются понять, что же это такое - общее образование. Раньше думали, что это-де основы наук, из каждой понемножку. Потом поняли, что если и основы, то из прошлого века. Переключились на основы культуры - запутались еще больше. Теперь говорят: давайте больше уделять не знаниям, а умениям. Хорошо, но умение доказывать теорему еще не означает умения пользоваться доказательствами в жизни. Умение написать сочинение о литературном герое - это еще не умение выразить мир своих чувств в письменном слове. Жуть берет, когда читаешь в Интернете образцы «эпистолярного жанра»... Школа не научила. Она тратила время на изучение правил, на пересказ литературоведческих мнений. Что ты по-

Я помню, когда-то был председателем экзаменационной комиссии. Одна девочка бодро рассказывала мне о конвертере Бессемера, в котором варят сталь, исписала доску формулами. Я ей говорю: можешь мне, грешному, который ничего этого не понимает, в двух словах объяснить, как это все работает? Она залилась слезами: зачем, мол, вы меня засыпаете? Это пример бездарности школьного преподавания, когда зазубривают, не понимая смысла.

Мы учим по-другому. Например, умению не только читать, но и понимать прочитанное, увидеть там основную концепцию и выделить важное для себя. Или умению работать в группе, формировать ее и находить в ней свое место. Или умению схематизировать любой текст, любое явление, потому что это упрощает понимание. Учим умению не только получать информацию, в которой можно утонуть, но и осмысливать ее, умению выбирать, сопоставлять, принимать решения. У нас не бывает обычных уроков, а бывают «погружения». Скажем, на основах государства и права ребята сначала пишут, как они понимают свои права. Потом идут на улицу и спрашивают об этом людей. Потом идет общая дискуссия. И только после этого мы читаем «Всеобщую декларацию прав человека». Причем мне совершенно не надо, чтобы ее учили. Мне надо, чтобы у каждого было свое, личное отношение к этой важнейшей проблеме.

Беседовали мы недавно на эту тему со студентами Института государствен-